

Экономическая провокация – инструмент геоэкономического противоборства

Полина СОКОЛОВА

В современной системе международных отношений прямое военно-силовое противостояние всё чаще уступает место гибридным методам, среди которых особое значение приобретают инструменты экономического давления. Внезапные торговые ограничения, скоординированные атаки на валютные рынки или провокационные заявления, вызывающие финансовую панику, стали привычным элементом геоэкономического соперничества¹. Подобные действия в медиа и политическом лексиконе всё активнее обозначаются термином *экономическая провокация*.

Однако несмотря на растущую частоту употребления, чёткое научное содержание этого понятия остаётся неопределённым. Отсутствие однозначной дефиниции, критериев идентификации и системной классификации превращает экономическую провокацию в удобный публицистический ярлык, но не в рабочий аналитический инструмент. Это создаёт существенную проблему как для академического анализа природы современных экономических конфликтов, так и для выработки адекватных ответных мер на государственном уровне.

Фрагментарность теоретического осмысления этого феномена связана с его пограничным положением на стыке нескольких дисциплин. С одной стороны, он укоренён в классической теории политической провокации как

СОКОЛОВА Полина Александровна – ведущий специалист кафедры международного сотрудничества и управления факультет международных отношений и бизнеса Института управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. *E-mail*: sokol.pol2000@mail.ru

Ключевые слова: экономика, провокация, торговая война, санкции, экономическое давление, гибридные войны.

¹ *Абдуллаев Н.В., Багузова Н.А.* Специфика ведения информационной войны // *Власть*. 2014. № 10. С. 73.

действия, направленного на вызов прогнозируемой и выгодной реакции², а с другой – непосредственно связан с концептом экономической войны, понимаемой как реализация политических целей экономическими средствами³. Глубинный симбиоз политики и экономики в глобальном масштабе, когда политические решения немедленно находят отклик на рынках, а значимые экономические действия несут мощный политический заряд⁴, делает изучение экономической провокации не просто релевантным, а необходимым.

Из вышеизложенного следует, что для преодоления существующего концептуального вакуума требуется систематизация данного феномена. Целесообразно провести операционализацию понятия «экономическая провокация» через формулирование рабочего определения и построение многоаспектной типологии, охватывающей цели, акторов, уровни и основные методы его реализации.

Генезис концепта: от политической провокации к экономическому измерению

Фундамент понимания экономической провокации заложен в общей теории провокации, которая коренится в базовых механизмах социальной коммуникации. В её основе лежит универсальная стратегия, при которой инициатор привлекает выгоду не из первоначального акта, а из прогнозируемой ответной реакции объекта.

Российский конфликтолог А.В. Дмитриев даёт точное определение, отмечая, что «в самом общем виде провокацию можно понимать как действие одной стороны, направленной на вызов прогнозируемой и выгодной для неё реакции другой стороны»⁵.

В сфере политики эта общая схема обретает специфические черты, эволюционируя из простого манипулятивного приёма в сложный технологический инструмент борьбы за власть и влияние.

Согласно С.А. Семедову и П.А. Соколовой, «политическая провокация представляет собой один из приёмов, используемый для политической борьбы или манипуляции, включающий в себя набор специально организованных ситуаций подрывного характера, целью которых является вызов определённого спектра эмоций, необходимых действий или ответных мер со стороны политического про-

² Дмитриев А.В., Сычёв А.А. Провокация. Введение в теорию. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2018. С. 20.

³ Титова Е.О. Экономическая война: происхождение, сущность, стратегии // Научные труды Вольного экономического общества России. 2006. Т. 64. С. 116.

⁴ Шевченко Б.И. Парадигмы взаимосвязи мировой политики и мировой экономики в современном мире // Экономический журнал. 2016. № 3. С. 113.

⁵ Дмитриев А.В., Сычёв А.А. Провокация. Введение в теорию. С. 20.

тивника»⁶. Её ключевым отличием от простой манипуляции является агрессивная, наступательная природа, направленная на принуждение противника к саморазрушительным шагам.

Однако в современных условиях арсенал политического воздействия давно вышел за рамки чисто информационных или силовых операций. Для достижения геополитических целей субъекты международных отношений всё активнее прибегают к инструментам экономического давления. Эта трансформация стала возможной и необходимой благодаря фундаментальному сращиванию политической и экономической сфер, которое является системообразующей чертой современной мирополитической архитектуры, когда наблюдается глубинный симбиоз: «Политика экономизируется, экономика политизируется»⁷. Происходит качественное изменение взаимосвязи: «мировая политика и мировая экономика выступают в международной предпринимательской деятельности в едином блоке, меняясь местами в качестве субъекта и объекта»⁸.

В результате любые значимые экономические действия несут в себе мощный политический заряд, а политические решения немедленно находят отклик в экономиче-

ской плоскости. Именно поэтому попытки отыскать примеры сугубо экономических провокаций, лишённых политической подоплёки, в разрезе международных отношений оказываются тщетными.

Следовательно, происходит закономерная эволюция и специализация инструментария: классические приёмы политической провокации адаптируются и находят своё прямое применение в экономической сфере^{9, 10}.

Информационная атака или создание управляемого кризиса доверия получают новое, более изощрённое воплощение в виде целенаправленных информационных вбросов, влияющих на курсы валют и капитализацию компаний или в виде инициирования расследований против компаний-конкурентов под надуманными предлогами.

Фактически экономическая провокация в мировом масштабе состоит на службе у политики, выступая современным, высокоэффективным и зачастую денационализированным инструментом реализации политических интересов. Этот переход от политической провокации к экономической создаёт потребность в чётком концептуальном оформлении последней, что требует обращения к смежному концептуальному полю – теории экономической войны.

⁶ Семедов С.А., Соколова П.А. Политические провокации в эпоху социальных сетей // Вестник Университета мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского. Серия: Политология. Международные отношения. 2025. Т. 16. № 2. С. 59.

⁷ Шевченко Б.И. Парадигмы взаимосвязи мировой политики и мировой экономики в современном мире С. 113.

⁸ Там же.

⁹ Дмитриев А.В., Сычёв А.А. Провокация. Введение в теорию.

¹⁰ Семедов С.А., Соколова П.А. Политические провокации в эпоху социальных сетей.

Определение сущности экономической провокации

Для концептуального оформления экономической провокации необходим прочный теоретический фундамент, который предоставляет теория экономической войны, которая служит не просто отправной точкой, а важнейшей методологической основой, задающей системный контекст, в рамках которого провокационные тактики обретают стратегический смысл¹¹.

В современной научной литературе, несмотря на отсутствие канонического определения, укоренился подход, рассматривающий экономическую войну как реализацию политических целей экономическими средствами¹².

Это определение является одновременно ёмким и операциональным: оно, с одной стороны, чётко указывает на подчинённость экономических действий политическому замыслу, а с другой – позволяет выделять в рамках широкой стратегии отдельные дискретные акции, необязательно ведущие к тотальному противостоянию, но нацеленные на достижение конкретных тактических преимуществ. Именно на этом стыке – между масштабной стратегией экономической войны и точечным инструментарием политической провокации – и формируется концепт экономической провокации.

Отталкиваясь от приведённых дефиниций политической провокации и фундаментального принципа подчинённости экономики политическим интересам, можно сформулировать следующее определение:

Экономическая провокация – это умышленное, часто демонстративное или, наоборот, скрытное действие субъекта (государства, корпорации, финансовой группы) в экономической, финансовой или нормативной сфере, рассчитанное на предсказуемую негативную реакцию объекта, с целью создания для него невыгодных условий и извлечения собственной выгоды из последствий этой реакции. Выгода от таких действий может быть различна, например, получение конкурентных преимуществ, дестабилизация рынков или оправдание последующих собственных действий.

Данное определение фиксирует ключевые родовые признаки провокации (умышленность, расчёт на ответную реакцию, извлечение выгоды из последствий), но транслирует их в экономическую плоскость, определяя и предметную сферу (экономика, финансы, нормативное регулирование), и круг потенциальных акторов.

Сформулированное понятие позволяет отделить экономическую провокацию как от обычной конкурентной борьбы, движимой сугубо рыночной логикой, так и от актов прямой экономической агрессии или полномасштабной экономической войны, выделив её в самостоятельный объект научного анализа. Оно охватывает широкий спектр действий – от демонстративного введения завышенных пошлин до скрытых операций по дестабилизации валютного рынка – и даёт чёткие критерии для их идентификации в современной международной практике.

¹¹ Курочкин Ю.С. Экономическая война. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2001. С. 413.

¹² Титова Е.О. Экономическая война: происхождение, сущность, стратегии С. 116.

Типология экономических провокаций: цели, акторы и методы

Сформулированное определение задаёт концептуальные рамки, однако для прикладного анализа феномена необходима его системная типологизация. В отличие от масштабных задач полномасштабной экономической войны цели экономической провокации часто носят тактический и сфокусированный характер¹³. На основе синтеза теоретических наработок и анализа современных конфликтов можно выделить следующий спектр ключевых целей:

- стратегическое ослабление экономического потенциала конкурента;
- дискредитация и нанесение репутационного ущерба;
- дестабилизация товарных, финансовых или валютных рынков;
- создание искусственного дефицита или избытка для контроля над ценами;
- спекулятивное обогащение на краткосрочной волатильности;
- срыв конкретных выгодных сделок или проектов противника.

Интегрирующей, высшей целью при этом остаётся достижение политических результатов – от изменения внешнеполитического курса объекта до легитимизации собственных агрессивных действий.

Достижение этих целей осуществляется конкретными акторами на различных уровнях. Для систематизации анализа целесообразно выделить три операционных уровня, адаптировав традиционную эконо-

мическую схему к реалиям конфликтного взаимодействия:

1. Макроуровень (государственный) – противостояние национальных правительств и центральных банков, где типичным инструментом выступает «тарифная провокация» — внезапное введение завышенных пошлин.

2. Мезоуровень (отраслевой/корпоративный) – противостояние между транснациональными корпорациями, их альянсами или отраслевыми ассоциациями, например, для создания искусственного дефицита на глобальном рынке.

3. Микроуровень (межкорпоративный) – локальные столкновения отдельных компаний с использованием методов недобросовестной конкуренции¹⁴.

Арсенал методов экономических провокаций эволюционирует, заимствуя и адаптируя инструментарий экономической войны к точечным операциям. Условно его можно разделить на несколько ключевых направлений, каждое из которых обладает специфическим механизмом воздействия:

- информационные провокации – вброс ложной информации, манипулятивные заявления официальных лиц, направленные на формирование определённых рыночных ожиданий и провокацию панических реакций;
- нормативно-правовые провокации – внезапные и спорные с правовой точки зрения запреты, рассле-

¹³ Казанцев С.В. Глобальная экономическая агрессия. Новосибирск: Офсет-ТМ, 2019. С. 7.

¹⁴ Гладкий А.А. Обман и провокации в малом и среднем бизнесе. СПб.: БХВ-Петербург, 2013. С. 120.

дования и иски против компаний или целых стран, часто инициируемые через международные организации;

– тарифные и торговые провокации – демонстративные угрозы или реальное введение завышенных пошлин, квот, эмбарго¹⁵, а также организация точечных торговых блокад;

– финансовые провокации – целенаправленные атаки на национальную валюту, манипуляции с гособлигациями, замораживание активов или блокировка денежных переводов¹⁶;

– организация корпоративных атак – методы, исторически используемые в бизнес-среде, но выведенные на государственный уровень (промышленный шпионаж, целенаправленная «утечка умов»¹⁷, кибер-

атаки на критическую инфраструктуру, поддержка недружественных поглощений).

Примечательно, что методы, используемые на микро- и мезоуровне, находят своё прямое отражение в арсенале государств. Это подтверждает тезис о глубоком переплетении экономики и политики, где тактики корпоративной войны легко масштабируются до инструментов геэкономического противостояния. Современные экономические провокации всё чаще используют сложные скрытно-дестабилизирующие технологии, включая целенаправленные кибератаки и технологии когнитивного воздействия (*high-hum*)¹⁸, что отражает общую тенденцию к дематериализации инструментов экономического принуждения.

Эмпирический анализ: криптовалютный кризис октября 2025 года как экономическая провокация

Предложенный теоретический аппарат позволяет верифицировать концепт экономической провокации на конкретном материале.

События, связанные с заявлениями президента США Д. Трампа о китайских пошлинах и последовавшим обвалом крипторынка 10–11 октября 2025 г., при тщательном рассмотрении обнаруживают все ха-

рактерные признаки тщательно спланированной экономической провокации¹⁹, где информационное воздействие стало ключевым дестабилизирующим механизмом.

Непосредственным контекстом стал очередной виток торгового противостояния США и Китая, обострённый решением Министерства коммерции КНР от 9 октября 2025 г.

¹⁵ Экономические войны и экономические санкции // Военное обозрение. 2015. 4 февраля.

¹⁶ Чичканов В.П., Сухарев О.С. Экономическая война против России: методы проведения и противодействие // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2022. № 1. С. 73.

¹⁷ Абдуллаев Н.В., Багузова Н.А. Специфика ведения информационной войны. С. 73.

¹⁸ Смирнова О.О. Когнитивные технологии экономических войн // Теневая экономика. 2023. Т. 7. № 4. С. 376.

¹⁹ Кочетов А. Анатомия Апокалипсиса: почему крипторынок на самом деле рухнул в октябре 2025 (и дело не только в Трампе) // Дзен. «Кочетов Алексей». 15.10.2025 // URL: https://dzen.ru/a/aO6DlLx_mwuzcE4K

вести строгие ограничения на экспорт редкоземельных металлов²⁰. Ответ Д. Трампа, обнародованный через социальную сеть *Truth Social* в ночь на 11 октября, явно превышал рамки обычной дипломатической реакции. Его заявление о готовящемся введении стопроцентных дополнительных пошлин на все китайские товары с 1 ноября 2025 г. содержало элементы ультимативности, непропорциональности и было рассчитано на паническую реакцию рынков.

Анализ совокупности факторов с высокой долей вероятности указывает на продуманную демонстративно-силовую экономическую провокацию, направленную на создание управляемого хаоса на финансовых рынках, извлечение спекулятивной прибыли из искусственной волатильности и оказание максимального психологического давления на китайское руководство. Расчёт строился на предсказуемой панической реакции инвесторов, традиционно выводящих капитал из рискованных активов, включая криптовалюты, в периоды геополитической нестабильности. Особую доказательную силу провокационной гипотезе придают три ключевых обстоятельства:

– во-первых, *временной фактор*: публикация была сделана в пятницу вечером по американскому времени, когда ликвидность рынков мини-

мальна, что гарантировало катастрофические колебания курсов;

– во-вторых, *данные об аномальной активности*, так как необычно высокие объёмы продаж, начавшиеся за час до официального заявления, свидетельствуют о возможном использовании инсайдерской информации²¹;

– в-третьих, *последующий отказ от угроз*. Скорый отказ Трампа от реализации объявленных пошлин²² ставит под вопрос искренность первоначальных намерений, превращая заявление в разовую провокацию с чётко ограниченными во времени целями.

Результаты полностью подтвердили провокационный характер акции. Совокупный объём ликвидированных позиций на крипторынке превысил 19 млрд долл., а более 1,4 млн трейдеров понесли убытки, в то время как отдельные участники рынка заработали на падении до 88 млн долл.²³

Личная вовлечённость Д. Трампа и его семьи в криптоиндустрию добавляет данному кейсу дополнительные основания для рассмотрения через призму концепта экономической провокации²⁴.

Совокупность факторов – экстремальность и временные параметры заявления, аномальная рыночная активность до его публикации, последующий отказ от угроз и личная

²⁰ Кочетов А. Анатомия Апокалипсиса: почему крипторынок на самом деле рухнул в октябре 2025 (и дело не только в Трампе).

²¹ Там же.

²² Трамп передумал вводить 100% тариф для Китая. Как реагирует крипторынок // Trading View, 17.10.2025 // URL: <https://ru.tradingview.com/news/beincrypto:6ec79448a67b8:0/>

²³ Кильдюшкин Р. Анонимный трейдер заработал \$88 млн на криптовалюте во время «Трамп-краха» // Газета.ру. 12.10.2025 // URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2025/10/12/26939258.shtml?updated>

²⁴ Кузьминчева А. Как Дональд Трамп связан с криптовалютами. Карточки // РБК. 03.06.2025 // URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/683ec4a39a79472f6ecdbd71>

заинтересованность инициатора – с высокой степенью вероятности указывает на то, что события октября 2025 г. представляют собой класси-

ческий случай экономической провокации, адаптированной к реалиям цифровой экономики и высокочастотных финансовых рынков.

Таким образом, проведённое исследование позволяет не только конкретизировать понятийный аппарат, но и сделать ряд выводов, значимых для понимания логики современного межгосударственного соперничества.

Во-первых, экономическая провокация утверждается в качестве ключевого тактического элемента гибридного противоборства, эффективно заполняющего пространство между обычной конкурентной борьбой и полномасштабной экономической войной. Её растущая распространённость свидетельствует о сдвиге в методах достижения политических целей в сторону управляемой, дозированной конфронтации, где важнейшим ресурсом становится способность контролировать и провоцировать ситуативную нестабильность.

Во-вторых, предложенная типология выявляет тревожную тенденцию к конвергенции и взаимному усилению методов, используемых на разных уровнях. Техники корпоративного шпионажа или информационные атаки, отработанные в бизнес-среде, теперь легитимизируются и масштабируются на государственном уровне, а инструменты государственного экономического принуждения, в свою очередь, приватизируются и используются негосударственными акторами. Это стирает традиционные границы между войной и бизнесом, создавая принципиально новую, гибридную среду для силового взаимодействия.

В-третьих, анализ кейса 2025 г. демонстрирует, что цифровая сфера и децентрализованные финансовые рынки становятся приоритетным полигоном для экономических провокаций нового поколения. Скорость распространения информации, автоматизация торговли и глобальный характер крипторынков многократно усиливают провокационный потенциал единичного заявления, превращая его в инструмент моментального глобального воздействия. Это ставит перед государствами и регуляторами новую комплексную задачу: разработку механизмов оперативного распознавания и нейтрализации подобных атак в условиях, когда традиционные правовые и операционные рамки запаздывают.

Следовательно, разработанный в статье концептуальный аппарат – определение, типология, критерии идентификации – является не только средством научного анализа, но и необходимым фундаментом для практического реагирования. Дальнейшее изучение феномена видится в углублённом анализе превентивных мер и стратегий устойчивости экономических систем, способных минимизировать ущерб от подобных целенаправленных дестабилизирующих воздействий, которые, судя по всему, будут лишь нарастать в обозримой перспективе.

Библиография

- Абдуллаев Н.В., Багузова Н.А.* Специфика ведения информационной войны // *Власть*. 2014. № 10. С. 72-79.
- Гладкий А.А.* Обман и провокации в малом и среднем бизнесе. СПб.: БХВ-Петербург, 2013. – 192 с.
- Дмитриев А.В., Сычёв А.А.* Провокация. Введение в теорию. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2018. – 337 с.
- Казанцев С.В.* Глобальная экономическая агрессия. Новосибирск: Офсет-ТМ, 2019. – 99 с.
- Курочкин Ю.С.* Экономическая война. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2001. – 1191 с.
- Семедов С.А., Соколова П.А.* Политические провокации в эпоху социальных сетей // *Вестник Университета мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского. Серия: Политология. Международные отношения*. 2025. Т. 16. № 2. С. 57-68.
- Смирнова О.О.* Когнитивные технологии экономических войн // *Теневая экономика*. 2023. Т. 7. № 4. С. 369-390.
- Титова Е.О.* Экономическая война: происхождение, сущность, стратегии // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2006. Т. 64. С. 114-124.
- Чичканов В.П., Сухарев О.С.* Экономическая война против России: методы проведения и противодействие // *Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России*. 2022. № 1. С. 71-75.
- Шевченко Б.И.* Парадигмы взаимосвязи мировой политики и мировой экономики в современном мире // *Экономический журнал*. 2016. № 3. С. 103-116.
- Экономические войны и экономические санкции // Военное обозрение*. 2015. 4 февраля.

Статья поступила в редакцию 5 февраля 2026 г.

Статья принята к публикации 19 февраля 2026 г.